

Антон Батагов окончил консерваторию по классу фортепиано. Стал лауреатом трех международных и одного всесоюзного конкурсов. Как классический пианист выпустил девять дисков, играл Мессиаана, любил Кейджа. Как композитор-авангардист несколько лет возглавлял фестиваль «Альтернатива». Как театральный композитор трудился в Швеции. Как кинокомпозитор работал на фильмах Ивана Дыховичного «Музыка для декабря» и «Женская роль». Последний год озвучивает самое коммерческое телевидение - НТВ.

Композитор НТВ Антон БАТАГОВ

фото Владимира КАРЧИНА

Упаси меня Бог нравиться всем подряд

- Я все время был не совсем классическим пианистом. Не совсем авангардистом. Сейчас я сочиняю не совсем телевизионную музыку и не совсем музыку для кино.

- Новый стиль НТВ, к которому вы приложили руку, - это ведь не совсем то, что сразу идет на «ура»?

- Я совершенно не претендую на то, чтобы мои работы всем нравились. Да упаси Бог. Потому что когда всем нравится, значит, это чудовищно. Мы же прекрасно знаем, что в этой стране нравится всем... Когда я энное количество лет назад прекратил быть классическим пианистом и ушел в сочинение, моя работа происходила в очень замкнутых системах для эстетской аудитории. И если какие-то мои вещи возникали в концертной ситуации, мысль, что они могут понравиться

деюсь, они способны застревать в ушах и там оставаться.

- Уж поверьте, рекламные заставки с белочками-птичками-девочками-мальчиками застряли.

- Начало рекламного блока - это ведь сигнал зрителю, чтобы он быстро нажал кнопку другого канала. Тем не менее рекламные музыкальные интермедии и сам видеоряд - они, кажется, приковывают к себе внимание. Может быть, человек на десять секунд задержится на НТВ и уже потом нажмет другую кнопку.

- В новый стиль НТВ закладывалась агрессивность как идея?

- <...> Я бы не сказал, что межпрограммное простран-

рессивность и начинается просто мощная энергичная стихия. Но я говорю об агрессивности в ее чистом дебильном виде, как в передаче «Перехват».

- Сочиняя заставки, вы исходите из того, на что телезрителя нужно настроить в данный момент?

- Если думать о том, что зритель хочет услышать (то есть - что он привык слышать), попадаешь в тупик, превращаешься в обслуживающую штукювину, в «чего изволите?». Да, на телевидении принята музыка вот такая. Но тогда, спрашивается, зачем нужен композитор, который специально что-то сочиняет? На любом канале существует библиотека из общепринятых фрагментов, написанных для телевидения. Из нее можно выбирать.

- Ваши произведения всегда адекватно воспринимаются начальниками НТВ?

- Случаются какие-то конфликтные ситуации, в которые я не встречаю, но эхо до меня доходит. Проблема в традиционно российском подходе. Сначала предлагают: давайте-ка мы сделаем, чтобы у нас было, как ни у кого, а потом приглашают человека и говорят: а пусть-ка он нам сделает, как у всех. Когда эфир наполнился моей музыкой, выяснилось, что это входит в основательное противоречие с тем, как телевидение должно звучать. Естественно, стали говорить, что инструментовка слишком эстетская, что нужен симфонический пафос. И, как ни странно, какие-то вещи я стал делать, немножко играя в этот пафос. Они все равно

звучат не как положено - не из того они сделаны, но мне просто любопытно и в это поиграть.

- Можно как-то обозначить стиль, в котором вы работаете?

- Стиль никак не называется. Еще года два-три назад я считал себя минималистом. Есть такое идиотское слово, но оно не вполне правильное, потому что тут же начнутся какие-то музыковедческие изыскания. Постминимализм, например. Мне тем не менее приходилось эти слова произносить, чтобы

- Надо отдавать себе отчет в том, что этот этап давно пройден. Понятно, что андеграундовая идеология задержалась у нас дольше, чем на Западе. И что здесь она особенно гипертрофировалась, поскольку была альтернативой коммунистической идеологии. А сейчас эти же самые люди ощущают себя альтернативой новорусской идеологии. Но если находиться в вечной оппозиции, ничего нельзя постронть. И дело не в том, что надо сотрудничать с режимом. Дело в том, что именно в результате у тебя получается. Если возникла возможность сделать что-то назревшее, если на это дают деньги и ты можешь показать свою работу людям, я не понимаю, что в этом плохого.

С начала мои сочинения адресовались профессиональным музыкантам. Театр стал выходом на другую публику. Потом появилось кино. Следующий этап публичности - ТВ. Я был готов к тому, что моя музыка большинству скорее не понравится, чем понравится. Но я ничего не делаю для того, чтобы она все-таки понравилась. В тот момент, когда НТВ поймет, что это уже абсолютно неприемлемо, мы расстанемся.

что-то обозначить. Но чем дальше, тем меньше я понимаю, как называется то, что я делаю.

- И тем не менее вы сами себя определили как эстетствующего композитора. Не странно ли ваше сотрудничество с телевидением, которое само по себе далеко от эстетизма?

- Я каждый день решаю для себя этот вопрос. С одной стороны, ответ очевиден, с другой стороны, его все равно нет. Думаю, ощущения человека, даже близко не являющегося коммерческим музыкантом, оказавшегося в подобной ситуации, зависят от того, честно ли он делает то, за что взялся. Себе-то врать бесполезно. Если я пойму, что должен сделать что-то, противоречащее моим представлениям, я этого делать не буду. Или я постараюсь объяснить, почему это невозможно. Или в форме звуков сделаю какую-то вещь, которая будет для меня честной и за которую мне будет не стыдно.

- А как насчет идеологии альтернативщика: лучше играть в подвале для избранных, чем работать на телевидении для миллионов?

- Думаю, бывшие коллеги по фестивалю «Альтернатива» вряд ли согласятся с вами. Кстати, вы сейчас как-то участвуете в подобных мероприятиях?

- Неделю назад я получил приглашение на «Варшавскую осень» - знаменитый фестиваль авангарда. Мне, видимо, просто по инерции предложили принять участие в выступлении оркестра экспериментальной музыки. Так называемого оркестра: кто-то играет на консервных банках, кто-то - на электронике, но примерно с тем же чувством, что и на консервных банках... Надо вот как-то вежливо отказать. Не потому, что я стал весь из себя крутой (терпеть не могу это слово), просто все рано или поздно себя исчерпывает.

- Телевидение тоже себя исчерпает?

- Разумеется. Или это надоеет телекомпания, или я уже не смогу этим заниматься. Что для меня будет следующим этапом, я никогда не мог сказать. Я знаю, что я делаю сегодня. А что я буду делать завтра, может быть, буду знать завтра.

Лариса ХАВКИНА.

То, что я написал, глядя на телевизионную картинку, - это в основном рекламные заставки. Остальное сочинялось «не глядя», в качестве звукового ответа на тему и название передачи. То же самое и с кино. Я прочитал сценарий «Женской роли» и закрыл его. Потом написал музыку. С тем же успехом это могла быть музыка к другому фильму.

десяткам миллионов, была абсурдна.

- Однако сейчас вы работаете для десятков миллионов телезрителей и вряд ли стремитесь никому не понравиться.

- Думаю, что музыка, имеющая мгновенное свойство понравиться, поверхностна. Она так же быстро и забудется. В моих телевизионных интермедиях нет мелодий, которые можно было бы взять и спеть, в них нет привычных параметров, но, на-

во канала агрессивно. Наоборот, там есть и мягкость, и эстетство. Ну, есть агрессивные вещи. «Итоги», например. Но сам по себе Киселев и то, как он преподносит события, - это очень жесткая вещь, даже военная. Там и музыка адекватна тому, что вокруг нас происходит. Во всем остальном настроение моей музыки содержит все что угодно, только не агрессивность. Хотя очень трудно объяснить, где кончается аг-

Калле Индлова - 1998. - 20 мая - с. 12